И. И. Высоцкій.

Очерки по исторіи объединенія Прибалтики съ Россіей.

(1710—1910 г.г.)

Выпускъ второй.

Православіе.

Часть первая.

РИГА, 1910 года.

Типографія Н А Нитавскаго, Рига, Гертрудинская ул. № 14.

53684

Православіе.

(Съ древнѣйшихъ временъ до открытія самостоятельной епархіи).

I.

Трудно, конечно, установить съ полной точностью мѣстности, гдѣ привилось православіе въ до-нѣмецкій періодъ жизни этого края. Не легко безъ ошибокъ опредѣлить время проникновенія сюда „русской вѣры". Съ увѣренностью только можно лишь сказать, что тогдашнее православіе, или „греческая вѣра" такъ-же мало было понятна полудикимъ племенамъ, какъ и „латинская" (т. е. римско-католическая) вѣра, въ особенности, если принять въ разсчетъ ихъ вѣроучительныя, или догматическія различія. Да и сами эти церкви, въ представленіи попавшихъ на далекое Приморье духовныхъ лицъ (монаховъ, священниковъ, діаконовъ) того и другого исповѣданія еще не успѣли отойти однѣ отъ другихъ на далекое разстояніе.

Очень можетъ быть, что князь Ярославъ, устраивая (въ 1030 г.) городъ Юрьевъ (Дерптъ) для обезпеченія взиманія дани съ завоеванныхъ имъ эсговъ и ливовъ,—и воздвигъ тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ первую въ этомъ краѣ православную церковь. По свидѣтельству лѣтописца Нестора, воинскіе походы и храмоздательство—были его любимыми занятіями. Гораздо позднѣе (а именно въ 1184 г.) августинскій монахъ Мейнгардъ устроилъ католическую церковь въ Икесколѣ (нынѣшній Икскюль). Ничего нѣтъ неправдоподобнаго и въ томъ, что и другіе владѣтельные русскіе князья, напр., кукенойскій (кокенгузенскій) Всеволодъ и герцикскій (нынѣшній полумызокъ Шлоссбергъ, вблизи Якобштадта) Вячеславъ, или сокр., Вячко—тоже содѣйствовали распространенію православія какъ путемъ дѣловыхъ сношеній съ туземцами, многіе изъ которыхъ служили въ княжескихъ дружинахъ, такъ и постройкой церквей въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ по берегу р. Двины *)

*) С. М. Соловьевъ (т. II, стр. 445, прим. 436) считаетъ возможнымъ, что Всеволодъ былъ Василько, братъ Вячеслава. Оба, по Татищеву, — сыновья Бориса Давыдовича, полоцкаго. По А. Веселовскому, Вячко—былъ не кто иной, какъ сынъ св. Владимира, Илья. Такъ или иначе, но очевидно, что это были удѣльные князья, зависимые отъ Кіева, Полоцка или Новгорода

Въ вихрѣ постоянныхъ войнъ, едва-ли этимъ, всегда дрожавшимъ за свое существованіе князьямъ приходило въ голову заниматься миссіонерствомъ. Ливонскій лѣтописецъ Генрихъ, согласно съ русскими источниками, относительно взгляда первыхъ завоевателей края на распространеніе православія говоритъ слѣдующее „Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christiane subicere, sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare“ (XVI, § 2), т. е. не навязывали покореннымъ племенамъ своей вѣры, а ограничивались наложеніемъ дани.

Эта черта ограниченія обладанія чисто физическими или матеріальными свойствами, безъ желанія сразу-же, нахрапомъ, приняться за наложеніе на подвластныхъ печати и духовной зависимости—проходитъ красной нитью чрезъ всю русскую исторію. Назвать ли это вѣротерпимостью (Бестужевъ-Рюминъ), или уваженіемъ къ чужимъ вѣрованіямъ, не очень ужъ далекимъ отъ вѣрованій побѣдителей (они сами были тогда еще на $^9/_{10}$ язычники), или просто отсутствіемъ такого заранѣе начертаннаго и строго-проводимаго плана дѣйствій, какимъ руководились католическіе монахи-воины, направляемые единой волей изъ Рима, или, наконецъ, это была одна изъ тысячи формъ проявленія исконной привычки жить по формулѣ: „Нечего спѣшить, еще успѣется... не течетъ, вѣдь, за воротъ!“—во всякомъ случаѣ приходится сказать, что такая политика древнѣйшихъ обладателей этого края имѣла свои и дурныя, и хорошія стороны. Плохо то, что и тогда, и затѣмъ много разъ впослѣдствіи, туземное населеніе, не скрѣпленное съ русскими завоевателями крѣпкими узами духовнаго родства и единствомъ религіознаго уклада, приходилось отвоевывать у сосѣдей, или у отдаленныхъ искателей приключеній, легко отторгавшихъ состоявшія у русскихъ въ подчиненіи племена. Хорошо то, что православіе, не навязываемое насильно, могло уберечь себя отъ укоризны въ несоотвѣтствіи съ заповѣдями Христа, не пятнало себя кровавыми звѣрствами якобы ad majorem Dei gloriam, а несло въ себѣ возможность возсіять яркимъ свѣтомъ вѣчной истины и чистѣйшей правды Божіей.

Нѣкоторымъ обозрѣвателямъ давно прошедшихъ судебъ православія въ этомъ краѣ (напр., автору статьи о Свято-Духовскомъ монастырѣ и храмѣ въ г. Якобштадтѣ; см. „Рижскій Вѣстникъ“, 1885 г., № 40) хотѣлось-бы, какъ это невольно проскальзываетъ въ ихъ писаніяхъ, оправдать эту вялость и бездѣятельность православія и его офиціальныхъ носителей. Желая доказать, что наше духовенство тоже не дремало, а прилагало усилія къ умно-

женію „стада Христова“, они въ упоминаемыхъ буллою папы Гонорія III (отъ 8 февраля 1222 г.) „русскихъ, приходящихъ жить въ Лифляндію и вносящихъ своими греческими обрядами соблазнъ въ католическую паству еп. Альберта“ — хотятъ непремѣнно видѣть священниковъ-миссіонеровъ, заботящихся о распространеніи православія.

Не лишнимъ будетъ привести текстъ этой буллы въ „наивозможно точномъ“ переводѣ Фр. фонъ Кейсслера *), такъ какъ ея содержаніе очень близко касается затронутаго мною вопроса:

„Гонорій III и пр. къ судьямъ Лифляндіи. Отъ нашего достопочтеннаго брата, епископа лифляндской церкви, дошло до насъ извѣстіе, что нѣкоторые изъ русскихъ приходятъ жить въ Лифляндію и, такъ какъ они сами придерживаются греческаго обряда, латинское крещеніе проклинаютъ, какъ достойное отвращенія, не соблюдаютъ праздниковъ и предписанныхъ постовъ, а браки между новообращенными расторгаютъ. Для того, чтобы необузданіемъ ихъ дерзости не возбудить болѣе греческую схизму и для того, чтобъ не казалось, что мы ей потворствуемъ нашимъ равнодушіемъ, поручаемъ мы вамъ смирять такую дерзость русскихъ и, имѣя ввиду устранить соблазнъ между новообращенными, добиваться того, чтобы названные русскіе соблюдали латинскіе обряды, такъ чтобы слѣдованіе греческой обрядности знаменовало ихъ отдѣленіе отъ главы, т. е. отъ римской церкви“.

Едвали здѣсь идетъ дѣло о священникахъ, или діаконахъ (въ родѣ, напр., кокенгузенскаго Стефана) **). Поводъ для этого предположенія дало, по всей вѣроятности, выраженіе „расторгаютъ браки“, но то же слово, которое выражаетъ понятіе „расторженіе“ вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ и мысль о „разстройствѣ“, т. е. достиженіи путемъ уговора разойтись, или предупрежденіи налаживающихся браковъ. Прот. о. Н. Лейсманъ („Сост. прав. въ Приб. краѣ до прис. Лив. къ Россіи“, 125 стр.) осторожно называетъ этихъ сторонниковъ греческой обрядности только „нѣкоторыми русскими людьми“ и склоняется къ предположенію, что это были просто деревенскіе промышленники изъ русскихъ. Они-то и являлись въ это время борцами за православіе (schisma Graecorum, по выраженію буллы).

Такимъ образомъ видно, что греческая вѣра распространялась въ Ливоніи естественнымъ путемъ, соприкосновеніемъ русскихъ съ мѣстными племенами. Русскіе обращали прежде всего

*) „Оконч. перв. русск. владыч. въ Приб. кр.“, 107, прим. 193.

**) Довѣреннаго пословъ полоцкаго князя Владимира, отправленнаго къ еп. Альберту. См. Лив. Хр. Генриха Л., §§ 3—4.

вниманіе на бытовую сторону, поскольку она являлась продук томъ латинства и, видя ея несходство со своими обычаями, старались передѣлать ее на свой ладъ. Вѣрованія тогда, какъ и въ послѣдующее время, не отдѣлялись русскими отъ образа жизни, отъ всего повседневнаго обихода. Понятія о вѣрѣ складывались изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: національности, общественнаго уклада, языка, права, обычаевъ и т. д. „Если хочешь исповѣдывать *русскую вѣру*, то и будь во всемъ *русскимъ*, примыкай всецѣло къ нашему стану!“—вотъ что составляло основной принципъ тогдашняго совсѣмъ непреднамѣреннаго миссіонерства· — „Но убѣждать тебя въ этомъ, а тѣмъ паче принуждать мы не желаемъ“.

Этотъ взглядъ въ началѣ XIII ст. до того укоренился среди русскихъ, что князь Владиміръ полоцкій, по свидѣтельству Генриха Л. (см. хроника, XVI, 2), „надменно требовалъ у епископа Альберта, чтобы онъ отказался отъ крещенія ливовъ, утверждая, что въ его власти состоитъ крестить, или не крестить ливовъ, его слугъ“.

Вообще русскіе не проявляли въ этомъ отношеніи никакой настойчивости и посѣшности. Съ точки зрѣнія воинствующей римско-католической церкви (отраженіемъ этого взгляда несомнѣнно служитъ вышепоименованный авторъ Ливонской хроники) эта черта православія заслуживала всяческаго порицанія и онъ бросилъ по его адресу (въ XXVIII гл, § 4) слѣдующія укоризненныя слова: „Mater Buthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur“. Составитель „Сборн. мат. и статей по исторіи Приб. края“ Е В. Чешихинъ перевелъ это мѣсто такъ: „Русская церковь, всегда безплодная и бездѣтная, которая приводитъ земли подъ свое иго не изъ надежды возрожденія ихъ въ вѣрѣ Іисуса Христа, а изъ надежды на дань и добычу“ (см. т. I, 265 стр.).

Приводимые тѣмъ-же хронистомъ факты изображаютъ дѣло совершенно иначе. Въ одномъ случаѣ онъ разсказываетъ, что туземцы, рѣшивъ принять православіе, послали къ русскимъ за священниками, но пока тѣ прибыли въ назначенное мѣсто, нѣмецкіе монахи успѣли ихъ предупредить и окрестили просившихъ въ латинскую вѣру. Другой разъ русскіе, хотя и знали, что выборъ ихъ данниковъ колеблется между греко-восточнымъ и римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ, но мѣръ къ склоненію чашки вѣсовъ на свою сторону не принимали и жребій рѣшилъ дѣло въ пользу латинянъ. На это русскіе не претендовали

и отнеслись къ исходу жеребьеметанія совершенно спокойно, подумавъ, вѣроятно, про себя: „Что-жъ, видно такая судьба... Ничего не подѣлаешь!!!.

Если-бы они только и мечтали что о дани и добычѣ, (а такая степень корысти—уже страсть) то долго не мѣшкали-бы, а предприняли-бы болѣе быстрыя и рѣшительныя мѣры.

II.

Нельзя сказать, чтобы эпоха отвоеванія Балтійскаго побережья благопріятствовала успѣху и быстротѣ проникновенія въ возсоединенныя области православія. Какъ Россія въ своей внутренней жизни вообще, такъ и религіозныя вѣрованія русскаго народа въ частности переживали острый періодъ лихорадочныхъ исковъ и немедленнаго примѣненія новыхъ формъ Но для этого нужно было очищать путь, разрушать старое. А тутъ еще и въ нѣдрахъ самой церкви раздоры и пререканія между двумя теченіями или, скорѣе оттѣнками православія и ихъ обоихъ со старобрядчествомъ, въ свою очередь дѣлившимися на враждебныя одинъ другому толки — усиливали религіозное нестроеніе. Весьма замѣтный наплывъ иновѣрцевъ къ верхамъ управленія и издѣвательства придворныхъ надъ православной обрядностью (т. е. надъ всѣми разновидностями русской, національной вѣры) создавали почву для разрыва церкви съ государствомъ. Старообрядцы видѣли въ Петрѣ, нарушившемъ древне-православные обычаи, жестоко казнившемъ стрѣльцовъ и устраивавшемъ потѣшные выѣзды, вводившимъ въ церковное управленіе разныя новшества, —антрихриста, а монахи распространяли слухъ, что „при поѣздкахъ за море Петръ былъ обойденъ, испорченъ нѣмцами и возлюбилъ нѣмецкую вѣру“. „Это не нашъ государь, а нѣмецъ“ говорили враги преобразованій. При такихъ обстоятельствахъ о распространеніи православія на Прибалтійской окраинѣ нечего было и думать Петръ, впрочемъ, заботился о подготовкѣ миссіонеровъ, но, конечно, не для обращенія лютеранъ въ православіе, а для „зловѣрцевъ“— татаръ, мордвы, черемисовъ и другихъ инородцевъ восточной полосы Россіи (наставленіе Петра патріарху Адріану.—Соловьевъ, „Ист. Рос.“ XV т., 2 гл.).

Тогдашнее русское духовенство вообще для миссіонерской дѣятельности, по признанію Петра, не годилось. „Священники ставятся малограмотные... послать-бы хоть десятокъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы“ говорится въ вышеупомянутомъ наставленіи (Соловьевъ, „Ист. Р.“, XV, 2).

Еще менѣе на это были способны рижскіе священники. Въ 1715 г Петръ писалъ лифляндскому губернатору, князю Голицыну: „понеже вы паче другихъ извѣстны, что въ Ригѣ попы зѣло плохи, отчего не малый есть стыдъ отъ тамошнихъ жителей, то сыщи въ Смоленскѣ добрыхъ и искусныхъ поповъ и прочихъ церковныхъ причетниковъ, сколько потребно, и выпиши ихъ въ Ригу, а которые въ Ригѣ непотребные, тѣхъ отпусти". Насколько позволяли обстоятельства—это выполнялось. Псковскіе іерархи — говоритъ прот. Н. Дмитревскій *) поставляли для себя особую заботливость о приготовленіи достойныхъ лицъ къ занятію священно-служительскихъ мѣстъ. Изъ Псковской дух. консисторіи разсылались указы за указами объ отдачѣ дѣтей духовенства въ открытую во Псковѣ семинарію, и родители, уклонявшіеся отъ помѣщенія туда своихъ дѣтей, подвергалися значительнымъ штрафамъ. Но это мало помогало.

Взявъ въ 1710 г. Ригу, Петръ приказалъ освятить шведскую гарнизонную церковь въ цитадели по православному чину и наименовать ее Петропавловскою (теперь на ея мѣстѣ находится выстроенная въ 1785 г. каменная церковь). Очень скоро послѣ этого изъ церкви бенедиктинокъ былъ перестроенъ храмъ во имя Алексѣя чел. Божія. Замковая церковь для надобностей высшей администраціи и крѣпостной артилеріи была обращена въ Успенскую. Существовала уже въ г. Ригѣ ко времени перехода ея въ русское владычество Благовѣщенская церковь, потомъ перенесенная на теперешнее мѣсто. Тамъ во времена Петра I находился русскій рынокъ и склады товаровъ русскихъ купцовъ. Въ Перновѣ и Дерптѣ тоже сейчасъ-же по завоевании были очищены для православныхъ лютеранскія кирхи. Предназначались онѣ какъ для русскихъ солдатъ, такъ и для другихъ русскихъ прихожанъ. Какъ православные, такъ и старообрядцы (эти въ особенности) охотно селились въ Ригѣ и краѣ.

Что касается Курляндіи, то самая древняя церковь (сначала православная, потомъ уніатская, а потомъ опять православная) была устроена въ 1591 г. Православнымъ братствомъ въ г. Якобштадтѣ. Нѣкоторую устойчивость и возможность распространенія православіе пріобрѣло въ Курляндіи съ 1772 г., когда часть. ея, т. н. Польская Лифляндія (земли, издревле населенныя православными), вошла въ составъ Россійской Имперіи, а съ 1795 (по послѣднему раздѣлу Польши) и всѣ Курляндскія земли. Въ 1773 г. всѣ православные церкви и монастыри въ Польской

*) „Распр. пр. церкви въ Приб. губ."

Лифляндіи, а съ 1799 и курляндскія церкви переданы въ управленіе псковскихъ архіереевъ, съ того времени начавшихъ именоваться псковскими и курляндскими архіепископами.

Почти у всѣхъ, касавшихся исторіи прибалтійскаго православія, кромѣ Ю. Ѳ. Самарина, не имѣется ссылокъ на состоявшееся въ 1721 г. синодальное распоряженіе, отмѣнившее постановленіе 6-го Вселенскаго собора о недопущеніи браковъ между православными и неправославными. А между тѣмъ, отсюда произошло не мало горестныхъ событій, страшно волновавшихъ и православную, и инославныя церкви. И я считаю долгомъ упомянуть о немъ.

Петръ I, въ видахъ облегченія иностранцамъ прочнаго водворенія въ Россіи, очень желалъ, чтобы были допущены браки между лютеранами и православными, но онъ не считалъ возможнымъ разрѣшить ихъ собственною своею властью, а передалъ на обсужденіе созданнаго имъ представительства нашей церкви Синодъ призналъ возможнымъ исполнить желаніе Государя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вѣнчаемые предварительно выдавали отъ себя письменное обязательство воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Правило это было принято Петромъ I, было обнародовано и вошло въ силу, какъ *актъ церковнаго законодательства*. Таково оно было и по существу, ибо дѣло касалось условій совершенія таинства. Затѣмъ постановленіе синода вошло въ составъ гражданскихъ законовъ, а при составленіи Уложенія о наказаніяхъ (окончательно вошло въ сводъ законовъ въ 1832 г.) въ него была внесена ст. 190, въ силу которой православные родители и опекуны обязаны воспитывать дѣтей своихъ или ввѣренныхъ имъ въ вѣрѣ православной и нарушающіе эту обязанность присуждаются къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, гражданская законодательная власть (а не церковь) опредѣлила отъ себя кару за нарушеніе церковнаго закона. Много лѣтъ спустя, когда въ Лифляндіи образовалась коалиція Германскихъ и лютеранскихъ интересовъ въ видахъ искорененія православія, эта статья послужила поводомъ къ продолжительной агитаціи, закончившейся отмѣной этого закона. Но объ этотъ послѣ...

Итакъ, прибалтійскому православію былъ нанесенъ первый ударъ въ 1721 г.

Первые признаки правительственной защиты прибалтійской православной паствы появляются въ царствованіе Елисаветы

---

*) И. Шаховъ и Н. Дмитревскій. „Присоед. Лифл. къ Россіи“.

Петровны. Въ архивѣ Рижской консисторіи имѣется указъ Псковской конторы духовныхъ дѣлъ отъ 30 апрѣля 1748 г., въ которомъ по дѣлу, возбужденному въ Юстицъ-коллегіи Лифляндской лютеранской консисторіей (дѣлался запросъ, какъ быть пасторамъ, если къ нимъ обращаются русскіе плотники и другіе промышленники съ просьбой, за отдаленностью православнаго священника, крестить ихъ дѣтей по лютеранскому обряду)—св. Синодъ опредѣлилъ объявить, что онъ „кромѣ другихъ благословенныхъ причинъ подъ силу Высочайшихъ указовъ ожидаемаго лютеранскою консисторіею дозволенія дать не можетъ, а если паче чаянія гдѣ-либо уже окрещены лютеранскими пасторами дѣти оныхъ плотниковъ и другихъ благочестивыхъ людей, о томъ распоряженіе и рѣшеніе учинить его преосвященству и впредь того не допущать подъ страхомъ достойнаго по указамъ сужденія и штрафа". Въ г. Аренсбургѣ и вообще на Эзелѣ бывали случаи крещенія пасторами православныхъ дѣтей. По ходатайству Симона, епископа псковскаго (Членъ Св. Синода и наставникъ наслѣдника престола, Петра Ѳеодоровича, и его невѣсты будущей Императрицы Екатерины Алексѣевны) указомъ Прав. Сенату (7 августа 1747 г.) было повелѣно построить церковь и назначить деньги на содержаніе причта.

Къ началу XIX ст. въ рижской епархіи было 16826 душъ православныхъ (изъ нихъ въ Курляндіи только 536 чел., остальные въ Лифляндіи). Между ними были и присоединившіеся иновѣрцы*) Обращеніе въ православіе, было обставлено разными формальностями (напр., лифляндскимъ священникамъ было запрещено самимъ принимать въ православіе, а они должны были на это испрашивать разрѣшеніе епископа).

Пасторъ А. Гупель **) пишетъ: „Русскіе заботятся, чтобы никто не отпадалъ отъ ихъ вѣры, но никогда не станутъ стѣснять христіанина въ его вѣрѣ. Только въ случаѣ если русскій вступаетъ въ бракъ съ лицами другого вѣроисповѣданія, они заботливо внушаютъ иновѣрцамъ (до и то больше простолюдинамъ) переходъ въ свою церковь, имѣя при этомъ въ виду укрѣпить взаимную любовь между супругами и облегчить имъ воспитаніе дѣтей. Мы, живущіе вмѣстѣ съ ними, не можемъ не по-

*) Въ 1744 г. обращено въ православіе 4 чел. изъ католичества, 20 изъ лютеранства и 2 изъ магометанства въ 1745 г. 1 изъ катол., 6 изъ лютер., въ 1746 г. 5 изъ лют., 1 татаринъ, 1 еврей. Въ 1780 г. раньше перешедшій изъ лютеранства поручикъ Карлъ фонъ Кенкнау принялъ монашество въ Черниговѣ.

**) A. W. Hupel: Topograph. Nachr. Рига, 1774 г., В. I, 161. (И. Шаховъ)

хвалить ихъ кротости и вѣротерпимости Русскіе всѣхъ состояній вступаютъ въ брачные союзы съ нами и однакожъ не видно и не слышно, чтобы они обнаружили презрѣніе изъ-за различія въ вѣрѣ".

Въ первое двадцатилѣтіе XIX ст. православная рижская паства не только не расширялась, но даже, по разнымъ, еще недостаточно выясненнымъ причинамъ *), сокращалась. Къ 1820 г. число православныхъ, по сравненію съ 1800 г, уменьшилось въ рижской епархіи на 7448 душъ т. е почти наполовину. Въ 1830 г. число православныхъ достигло 11335 чел. (въ томъ числѣ 6252 въ г. Ригѣ). Сильно развивался расколъ, увлекавшій и нетвердыхъ въ вѣрѣ православныхъ

Это обстоятельство побудило высшую власть возбудить вопросъ объ учрежденіи въ г Ригѣ епископской каѳедры (Высочайшій указъ отъ 14 сентября 1836 г) въ видѣ лэсковского викаріатства. Первымъ рижскимъ епископомъ былъ назначенъ преосв. Иринархъ, прибывшій въ г Ригу въ первыхъ числахъ ноября 1836 г.

Съ этого времени и начинаются весьма замѣтные успѣхи православія. Существуетъ довольно обширная литература по поводу массовыхъ обращеній латышей въ православіе.

Больше всего свѣдѣній объ этомъ содержится у Ю. Ѳ. Самарина („Окраины Россіи", вып. III), въ „Сборн. матер." Е. В. Чешихина (III т. отд. II, стр. 467—564), у прот. В. П. Преображенскаго „Открытіе Рижскаго викаріатства и викарные епископы" и прот. Н. Лейсмана: „Судьбы православія въ Лифляндіи съ 40-хъ до 80-ъ годовъ", Е. М. Крыжановскаго. „Православіе и Остзейскій вопросъ", А. Воротина: „Принципы Прибалтійской жизни" и др.

Впрочемъ, массовыя обращенія лютеранъ въ православіе замѣчались и раньше. Возбудителями симпатій латышей и эстовъ къ русскому народу, какъ носителю привлекательныхъ національныхъ особенностей—доброты, обходительности, скромности и терпѣливости, были прежде всего простые русскіе люди (лавочники, извозчики, печники, пильщики, плотники, солдаты и пр.). Они невольно являлись и пропагандистами своей вѣры — православія. У латышей, по свидѣтельству Индрика Страумита **), про рус-

*) Цитированный раньше авторъ высказываетъ предположеніе, что рижск. прав. паства уменьшалась вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ. Но могли еще быть отпаденія въ лютеранство, или въ расколъ. О первомъ см. „Сборникъ мат". Е. В Чешихина, III, 497—499 стр.

**) См Записки этого скрывающагося подъ псевдонимомъ латышскаго крестьянина, впослѣдствіи прав. священника, убитаго въ 1905 г атеистами—крестьянами его же прихода, въ VIII т. сочиненій Ю Ѳ. Самарина (Москва. 1890 г. изд Д. Самарина) стр. 238 и дал.

скихъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія сложились, благодаря близкому соприкосновенію съ вышеупомянутыми простолюдинами, такія убѣжденія.

„Русскій — добръ. Въ лавку свою онъ самъ попроситъ, и хоть перерой у него весь товаръ, а купи на одну копейку — худого слова не скажетъ. Въ русской лавкѣ можно копаться цѣлый день, торговаться сколько угодно, сулить одну копейку за рублевый котелъ, — купецъ нисколько не обидится, а только сострить: „деньги хорошія, да маловато!“ и не обидится, не выгонитъ изъ лавки. Совсѣмъ не то, что нѣмецъ-приказчикъ, который вытолкаетъ въ шею, или выведетъ за волосы за то, что такъ осмѣлился стоять передъ нимъ въ шапкѣ, или вздумалъ поторговаться.

Русскій ласковъ. Онъ продастъ дешевле нѣмца, въ придачу попотчуетъ шнапсомъ, дастъ листовъ пять табаку, известковую трубку самъ еще засунетъ за ленточку шапки. Малышей, что при тебѣ, одаритъ пряниками, кренделями. При прощаньи—руку подастъ. Другой разъ, какъ знакомаго къ себѣ зоветъ, про домашнія дѣла разспрашиваетъ,

Русскіе извозчики никогда латышей не тронутъ и не обидятъ. Напротивъ, если что у встрѣчныхъ латышей попортилось, или попали въ канаву — всѣ русскіе сейчасъ остановятся и общими силами помогутъ бѣдѣ.

Вѣра русская — святая, самая старая. Наша вѣра — самая младшая, слабая, хоть и легкая, а та — трудная. У русскихъ та самая вѣра, что и у Царя. Значитъ ихъ вѣра — царская и въ эту вѣру можно перекреститься, а въ нашу нельзя. Это мы знаемъ изъ нашего катехизиса. Тамъ говорится, чтобъ мы, особенно, кто поступаетъ въ солдаты, остерегались и не принимали-бы причастія отъ русскихъ священниковъ и не давали-бы имъ дѣтей крестить“ *).

Невольно проскальзывало у русскаго рабочаго люда, соприкасавшагося съ латышами, сравненіе русскаго быта съ мѣстнымъ. „У насъ самъ Царь христосуется съ мужикомъ на Святой, а не то, чтобы выгонять изъ церкви, а вашъ нѣмецъ и въ кирку войти не хочетъ, когда вашего брата понаберется. Они васъ хуже собакъ держатъ. Живете, какъ свиньи. Все, на что ни посмотришь у васъ, какъ-то не по людскому. Пойдемъ, братцы, въ русскую землю. Въ русской землѣ житье!“

---

*) Ю. Ѳ. Самаринъ, основываясь на показаніяхъ старыхъ латышей, подтверждаетъ существованіе такого катехизиса. Ibid., 241 стр., 2 прил.

По этому поводу у латышей сложилась даже пѣсня: „Пойдемъ братцы русской землю; Русской земли добра жива“.

Такъ зарождалось влеченіе къ переселенію изъ Прибалтики, которое правительству пришлось подавлять суровыми мѣрами.

Но, кромѣ этого, было влеченіе и къ православію. Лютеранство казалось черезчуръ сухимъ, теоретичнымъ и „барскимъ“ для простыхъ, бѣдныхъ латышей. Латыши венденскаго уѣзда задолго до 40-хъ годовъ XIX ст. посѣщали Якобштадтскую православную церковь для служенія въ ней молебновъ, освященія полевыхъ плодовъ и вообще для совершенія молитвъ. Посѣщеніе это было такъ усердно, что тамошній православный причтъ получалъ, какъ это видно изъ церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, вдесятеро больше дохода, чѣмъ отъ своихъ прихожанъ. Лютеране-крестьяне Лифляндіи ежегодно хаживали, цѣлыми партіями, на богомолье въ Печерскій монастырь (на границѣ Псковской губ.). Около Пернова и Юрьева крестьяне издавна обращались къ православнымъ священникамъ за святою водою, покупали свѣчи, заказывали т. н. „проклинательные“ молебны и т. п. Бывшій профессоръ юрьевскаго университета Розенбергъ свидѣтельствовалъ, какъ очевидецъ, что „задолго до движенія 1841 г., въ воскресные и праздничные дни, православныя церкви въ Дерптѣ наполнялись латышами и чухнами, которыхъ, конечно, туда никто не гналъ и не приглашалъ. Напротивъ, этихъ незванныхъ гостей священники, обыкновенно, приказывали выводить, ссылаясь на то, что и самимъ тѣсно. Крестьяне ставили предъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ; нѣкоторые соблюдали даже посты“.

Неудивительно поэтому, что, напр., около 1800 г. цѣлый Верхнеустинскій пасторатъ, Верроскаго уѣзда (нынѣ того-же названія приходъ Псковской епархіи, Изборскаго уѣзда), перешелъ изъ лютеранства въ православіе. Новообращеннымъ былъ рукоположенъ священникъ, избранный ими изъ своей среды. Ему была дана, по погосту, фамилія Верхнеустинскаго.

Другой подобный случай произошелъ около 1819 г. Ю. Ѳ. Самаринъ передаетъ его буквально *), по протестантской версіи. „Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу, при мызѣ Кастеръ, островѣ Чудскаго озера, называемомъ Пари-Сааръ, живутъ эсты вмѣстѣ съ русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло. Эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ либо, или по лѣтамъ и необразо-

*) „Соч. Ю. Ѳ. Самарина“, т. VIII, 506—507 стр.

ванности своей не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время, когда имъ по лютеранскому вѣроисповѣданію, надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на русской части города и тамъ принимаютъ греческое вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ указомъ 20 декабря 1813 г изволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть терпимы сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій, то онѣ, по крайней мѣрѣ, не должны быть дозволяемы малолѣтнымъ, не свѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не познавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ исповѣданіе; а всего менѣе можно позволить безчестіе господствующей вѣрѣ чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества, и упорствованія противъ закона и порядка. И, кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія лифляндской оберъ-консисторіи другіе случаи, что молодые люди для избавленія себя отъ обязанности знать катехизисъ, дабы быть допущенными по закону лютеранскому къ причащенію, переходили къ православной греческой церкви, что оскорбляетъ столько-же очевидно достоинство сей послѣдней, сколько и права протестантской церкви въ Лифляндіи Почему лифляндская оберъ-консисторія просила объ учиненіи запрещенія православному духовенству не только на островѣ Ніаръ-Сааръ, но также всѣмъ и каждому въ лифляндской губерніи недопускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія къ принятію православной вѣры“ (Полн. Собр. Зак., т. XXXVI, № 27630).

Лифляндская оберъ-консисторія жаловалась министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицыну, который препроводилъ эту жалобу, не дѣлая отъ себя никакого распоряженія, къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому, который, въ свою очередь, передалъ ее по принадлежности на обсужденіе въ св. Синодъ. Туда въ 1819 г. и поступило это дѣло. Синодъ рѣшилъ, что „воспрещать соединеніе съ православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было-бы противно евангельскому духу“.

III.

Массовое движеніе эстовъ и латышей въ православіе, начавшееся въ сороковыхъ годахъ XIX ст., проходило при весьма неблагопріятной для нихъ обстановкѣ и сразу было истолковано высшей властью какъ бунтъ, какъ возстаніе противъ помѣщиковъ и пасторовъ, т. е. какъ нарушеніе стародавняго строго установленнаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ Петербургѣ, въ самыхъ высшихъ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ стояла дружная фаланга заслуженныхъ сановниковъ балтійскаго происхожденія: графъ Бенкендорфъ, Паленъ, Мейендорфы, Ганы, Веймарны и др., а за ними необозримые ряды менѣе видныхъ, но не менѣе усердныхъ и полезныхъ оберегателей интересовъ Остзейскаго края. Эта группа, по единству одушевившихъ ее стремленій, по образцовой, издавна установившейся въ ней дисциплинѣ, по обилію средствъ, находившихся въ ея распоряженіи, по обширности ея связей и по огромному, изстари пріобрѣтенному ею вліянію на правительство и на общество, составляла болѣе чѣмъ политическую партію правильнѣе было-бы назвать ее самообразовавшимся въ центрѣ самаго правительства особымъ министерствомъ остзейскихъ дѣлъ.

Въ самой Лифляндіи всѣ коронные должности, начиная съ генералъ-губернатора и кончая уѣздными стряпчими (фискалами) много лѣтъ уже замѣщались, по обычаю, если не исключительно лифляндскими, то, во всякомъ случаѣ, балтійскими дворянами, по крайней мѣрѣ, мѣстными уроженцами, нѣмцами по происхожденію и лютеранами по вѣроисповѣданію. Прокуроромъ въ это время былъ баронъ Гейкингъ, начальникомъ губерніи престарѣлый баронъ Фелькерзамъ, мѣсто генералъ-губернатора занималъ баронъ Паленъ *).

Выше уже было сказано, что среди крестьянъ ходили толки о переселеніи. А тутъ еще къ веснѣ 1841 г., вслѣдствіе сильнаго неурожая въ 1838, 1839 и 1840 гг., голодъ принялъ необычайные размѣры. Не получая помощи ни отъ помѣщиковъ, ни отъ мѣстной власти, крестьяне въ это критическое время, цѣлыми толпами, безъ паспортовъ и разрѣшенія со всѣхъ сторонъ прибывали въ Ригу частью для испрошенія подаянія, а большею частью съ просьбами переселить ихъ въ „эйскую землю“. Подъ этой землей они разумѣли Новороссію, куда звалъ всѣхъ желающихъ новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ.

*) Ib., 516—520.

Пришлыхъ людей насильно выселяли и за ослушаніе пороли въ Рижскомъ ордынгсъ-герихтѣ, въ полиціи, и просто на улицахъ *).

Иной оборотъ приняло дѣло, когда одна изъ голодающихъ группъ явилась къ рижскому архипастырю. Слухъ о ласковомъ пріемѣ и раздачѣ милостыни епископомъ Иринархомъ разнесся по всей Лифляндіи. Толпы крестьянъ все чаще и чаще стали заглядывать на архіерейское подворье и тамъ вручали архіерею письменныя заявленія о выселеніи и присоединеніи къ православію. Съ 9 іюня по 2 августа пр. Иринархъ получилъ до 30 прошеній такого рода и отослалъ ихъ оберъ-прокурору св. Синода гр. Протасову.

Помѣстное дворянство усмотрѣло въ этомъ движеніи бунтъ, а пасторы—оскорбленіе лютеранской церкви.

По жалобамъ нѣмецкихъ помѣщиковъ, гр Паленъ доносилъ о крестьянскихъ волненіяхъ министру внутреннихъ дѣлъ и дѣлалъ особыя сообщенія шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу. Графъ Строгановъ представилъ по этому поводу всеподданнѣйшій докладъ, вслѣдствіе котораго и было предписано пр. Иринарху не принимать отъ крестьянъ прошеній, если въ нихъ, кромѣ желанія принять православную вѣру, излагаются жалобы на помѣщиковъ и ходатайствуется о переселеніи во внутреннія губерніи.

Но ни публичныя сѣченія розгами, ни бритье головъ, ни расквартированье въ Лифляндіи и Курляндіи войскъ съ цѣлью подавленія якобы начавшагося мятежа,—не остановили движенія къ православію. Было объявлено Высочайшее повелѣніе, воспрещавшее рижскому епископу принимать отъ крестьянъ какія бы то ни было прошенія, а также и строжайшій выговоръ**).

Графъ Паленъ, признавшись официально, что „крестьяне потеряли всякое довѣріе къ мѣстному начальству, считая его заодно съ помѣщиками", — ходатайствовалъ о Высочайшей резолюціи на то, чтобы преосв. Иринархъ публично разувѣрилъ крестьянъ въ ихъ заблужденіяхъ, возникшихъ якобы отъ агитаторской дѣятельности духовенства. Подобная исповѣдь епископа была признана въ С.-Петербургѣ ненужною и неудобною.

---

*) Записки И. Страумита.

**) Объявлявшіе Высочайшую волю сильно переборщили. Государь лишь повелѣть соизволилъ *„Подтвердить преосв. Иринарху, чтобъ онъ отнюдь нѣ смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла, до него не касающіяся"*. Но вѣдь принятіе прошеній о присоединеніи къ православію было дѣломъ, очень близко касавшимся архіерея

Но все-же, Синодъ, съ своей стороны, ополчился на пр Иринарха. Указъ его отъ 18 августа показываетъ, что онъ бродилъ въ потемкахъ, не зная того, что дѣлалось въ Ригѣ Вотъ этотъ указъ текстуально: „Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія слушали предложеніе г. оберъ-прокурора съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія о неправильныхъ (?) дѣйствіяхъ преосвященнаго рижскаго Иринарха въ присоединеніи помѣщичьихъ крестьянъ къ православію и объ удержаніи его отъ этихъ поступковъ. Приказали: усматривая съ крайнимъ прискорбіемъ, что епископъ Иринархъ, обязанный званіемъ своимъ поселять въ народѣ тишину и безусловное повиновеніе властямъ, противными тому (?) дѣйствіями и принятіемъ отъ крестьянъ просьбъ, основанныхъ на своекорыстіи, подалъ имъ поводъ къ нарушенію должнаго порядка, а гражданскому начальству къ жалобамъ на него, и тѣмъ навлекъ на себя Высочайшее неудовольствіе Государя Императора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ 1) За таковыя (?) неправильныя дѣйствія объявить ему строгій выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы впредь въ точное исполненіе Высочайшей воли какъ самъ онъ не принималъ участія въ дѣлахъ означенныхъ крестьянъ, такъ и подчиненное ему духовенство не допускалъ-бы къ тому подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности по законамъ. Равнымъ образомъ, ни самъ, ни подчиненные его не принимали-бы отъ тѣхъ крестьянъ никакихъ просьбъ, хотя-бы просьбы таковыя заключали въ себѣ и одно безусловное желаніе принять православіе, пока дѣло сіе не получитъ особаго разрѣшенія“.

Итакъ, говоритъ по этому поводу Самаринъ, — не задумываясь ни минуты, Святѣйшій Синодъ, во-первыхъ, объявилъ епископу строгій выговоръ за вину необслѣдованную, непризнанную самому Синоду неизвѣстную; во-вторыхъ, онъ безусловно заперъ на неопредѣленное время двери въ православную церковь передъ стоявшими у входа ея латышами и эстами, ибо запрещеніемъ принимать отъ нихъ просьбы о присоединеніи отнималась всякая возможность присоединенія (Соч., т. VIII, 563).

Главнымъ возбудителемъ неудовольствія противъ пр. Иринарха былъ, конечно, гр. Бенкендорфъ, уполномоченный отъ цѣлой партіи балтовъ, которой онъ усердно служилъ. Она его наставляла, поддерживала и направляла.

Графы Строгановъ и Протасовъ старались, какъ могли, защитить крестьянъ и оклеветанное духовенство По представленію министра вн. дѣлъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе „обратить строгое вниманіе генералъ-губернатора Палена на предметъ

жалобъ крестьянъ—на недостатокъ продовольствія". Было-ли это исполнено—никакихъ данныхъ не имѣется.

Просьба крестьянъ о надѣленіи землею была сочтена за возмущеніе и, по требованію генералъ-губернатора, явились войска съ двумя флигель-адъютантами, Бутурлинымъ и Урусовымъ, во главѣ. Они 17 сентября передъ 47 крестьянами, собранными въ Ригу изъ 14 помѣстій, разъяснили Высочайшую волю о томъ, что „отнюдь не есть воля Государя Императора переселять лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи, или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что если кто изъ крестьянъ отъ истиннаго внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ намѣренъ присоединиться къ православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять, но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ православію не уповали-бы на какія-либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе имъ въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по-прежнему покойными".

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ флигель-адъютанты разспрашивали крестьянъ также относительно ихъ просьбъ и желаній. Не смущаясь въ такихъ случаяхъ присутствіемъ властей, крестьяне единодушно и съ рѣшительностью заявляли: *„Ничего другого не хотимъ, какъ быть съ Государемъ одной вѣры и такъ будемъ совѣтъмъ подъ нимъ"*.

Это крестьяне заявляли послѣ бритья головъ и истязаній, но это заявленіе крестьянъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ флигель-адъютантовъ было опорочено слѣдующими словами. „весьма замѣтно было, что оныя слова крестьянамъ были наистрожайше внушены".

У барона Палена графъ Строгановъ настойчиво требовалъ доказательствъ его обвиненій православнаго духовенства и такъ какъ таковыхъ у него не имѣлось, то онъ долженъ былъ сознаться предъ министромъ, что условія жизни крестьянъ дѣйствительно „крайне неудобны". По представленію министра, Палену это Высочайше „поставлено на видъ".

Для защиты своего „остзейца" гр. Бенкендорфъ съѣздилъ въ Ригу. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало распоряженіе (чье — неизвѣстно) дѣла о переходѣ въ православіе направлять не министру внутреннихъ дѣлъ, а шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу.

5 октября состоялось Высочайшее повелѣніе „викарію рижскому Иринарху немедленно отправиться во Псковъ и оставаться тамъ въ распоряженіи епархіальнаго начальства впредь до дальнѣйшаго распоряженія".

Нѣкоторые полагаютъ, что преосв. Иринархъ былъ оклеветанъ передъ Государемъ *).

Сопровождать преосв. Иринарха въ Псковъ изъ Петербурга въ Ригу командированъ былъ чиновникъ канц. оберъ-прокурора ст. сов. Скрыпицынъ, который и вручилъ епископу синодальный указъ о его смѣщеніи. Прочитавъ указъ, пр. Иринархъ съ горестью тотчасъ сказалъ „я готовъ, когда мы выѣзжаемъ?"

— Когда будетъ угодно вашему преосвященству.

— Это зависитъ отъ васъ, когда вы меня повезете?

На это Скрыпицынъ, миссія котораго состояла въ возможномъ смягченіи распоряженія правительства, замѣтилъ:

— Я вѣдь не жандармъ, посланный для арестованія чиновника

— А развѣ не все равно—возразилъ Иринархъ разница только въ мундирѣ.

Тогда какъ Скрыпицынъ личнымъ своимъ обращеніемъ старался усладить, на сколько это было возможно, горечь положенія впавшаго въ немилость епископа, баронъ Паленъ дѣйствовалъ, какъ слѣпое орудіе озлобленія остзейской партіи. Онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобъ усугубить оскорбленіе, наносимое въ глазахъ нѣмецкаго общества представителю православной церкви. Когда В. В. Скрыпицынъ, послѣ свиданія съ пр. Иринархомъ, представился генералъ-губернатору, то баронъ Паленъ сказалъ ему, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, чтобъ избавиться отъ епископа, и прибавилъ, что подорожная будетъ изготовлена на имя Скрыпицына *съ будущимъ*. Баронъ Паленъ простеръ свою предупредительность до того, что предложилъ ему даже командировать къ нему жандармовъ для конвоированья. В. В. Скрыпицынъ отвѣчалъ:

— Преосвященный Иринархъ—вовсе не арестантъ, а онъ желаетъ лишь отправиться во Псковъ для свиданія съ тамошнимъ епископомъ, котораго онъ—викарный, а потому не угодно-ли будетъ вамъ выдать подорожную на имя преосв. Иринарха. Я же имѣю свою подорожную, по которой ѣду въ Вильну и въ жандармахъ нисколько ни нуждаюсь.

Не смотря, однако, на это категорическое объясненіе, генералъ-губернаторъ на другой день все таки прислалъ подорожную на имя Скрыпицына *съ будущимъ* Но Скрыпицынъ вернулъ подорожную, повторилъ объясненіе, данное имъ наканунѣ, и наконецъ таки добился того, что генералъ-губернаторъ уступилъ **).

Преосв. Иринархъ выѣхалъ 12 октября, въ 10 ч. вечера, въ

*) „Судьбы прав.", прот. Н Лейсмана „Р Е. В.", 1909 г, 147 стр.

**) Соч. Самарина, т. VIII. 580—590 стр

собственной каретѣ, а Скрыпицынъ, вслѣдъ за нимъ, въ собственномъ экипажѣ.

На просьбу гр. Бенкендорфа увѣдомить его о всѣхъ подробностяхъ, баронъ Паленъ отвѣчалъ: „на жителей города и весь край выѣздъ епископа произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе Извѣстіе объ увольненіи епископа распространилось съ большою скоростью, и волненіе народа *вдругъ* (?) уменьшилось".

Преосв. Иринарха провезли во Псковъ не прямымъ путемъ, а черезъ Митаву, Шавли и Вилькомиръ. Очевидно опасались, что по пути толпы крестьянъ будутъ являться къ нему за послѣднимъ благословленіемъ.

Вслѣдъ за преосв. Иринархомъ были высланы въ Петербургъ и священники: Фасановъ, Погоняловъ и Заволоцкій.

По произведенному затѣмъ разслѣдованію, дѣйствія какъ епископа Иринарха, такъ и вышеназванныхъ священниковъ признаны были совершенно безукоризненными и обвиненія въ возмущеніи народа преднамѣренною клеветою, послѣ чего въ томъ-же октябрѣ еп. Иринархъ получилъ новое, болѣе почетное назначеніе, а священникамъ Фасанову и Погонялову были предоставлены прекрасныя мѣста въ С.-Петербургѣ и Заволоцкому въ Петербургскомъ уѣздѣ.

Но крестьяне, видя явное покровительство властей нѣмецкой партіи, выразили свое недовѣріе къ властямъ въ довольно рѣзкой формѣ. Особенно сильное броженіе поднялось въ Нейгевергофѣ и Пюхаярвѣ.

Крестьяне были преданы военному суду. Одни были присужденны къ палкамъ, другіе къ розгамъ, третьи къ наказанію шпицрутенами черезъ строй, по нѣсколько разъ, и кромѣ того еще къ ссылкѣ въ Сибирь.

Характерный случай разсказываетъ А. Воротинъ *).

„42 человѣкъ (изъ 82) повели къ концу фронта (на каждомъ фронтѣ было по 250 солдатъ). Тамъ освободили ихъ отъ оковъ, сняли всю одежду (даже рубашки) и послали черезъ строй. Полковникъ сказалъ солдатамъ: „Не бейте крѣпко!.. Вѣдь они не виноваты, это все вина помѣщиковъ". Солдаты дѣйствительно не били крѣпко, но тѣмъ не менѣе наказуемые были въ крови и до того разбиты, что на спинѣ и бокахъ висѣли куски мяса... Пюхаярвскій помѣщикъ, Штрикъ, велѣлъ привести три телѣги для мертвецовъ, но не нужно было ни одной: всѣ наказанные пошли сами".

*) „Принц. Прибѣ жизни", 35 стр.

Экзекуція производилась предъ глазами нарочито согнанныхъ волостныхъ представителей, которымъ послѣ всего видѣннаго ими было объявлено, что „такъ будетъ наказанъ всякій, кто пожелаетъ итти въ темную землю, кто вздумаетъ принять русскую вѣру и кто осмѣлится не слушаться помѣщиковъ и пасторовъ“.

Кромѣ того, представители мѣстной власти, въ сопровожденіи отряда солдатъ, въ теченіе цѣлаго года обходили мѣстечки и мызы и достодолжнымъ образомъ „вразумляли“ изъявлявшихъ желаніе принять православіе.

Все это не устрашало лицъ, жаждавшихъ просвѣта въ своей безотрадной жизни. Къ епископу Иринарху, временно задержанному во Псковѣ, стали являться депутаціи изъ края отъ эстовъ и латышей за совѣтомъ. Но ихъ, по требованію рижскихъ властей, забирали и отсылали въ Ригу. Избѣгая этихъ депутацій, епископъ изъ Пскова переселился въ Псково-Печерскій монастырь. Тогда народъ массами бросился въ Печоры. По настоянію гр. Палена, вся граница Лифляндіи со стороны Печерскаго монастыря, оцѣплена была войсками. Пытавшихся тайкомъ пробраться черезъ цѣпь забирали и отсылали въ руки рижскихъ властей. Псковскому духовенству и печерской братіи было строго предписано не принимать отъ эстонцевъ и латышей никакихъ просьбъ и не вступать съ ними ни въ какія отношенія *).

Такимъ образомъ, крестьянское движеніе 1841 г. кончилось полнымъ торжествомъ лютеранизма. Для полноты торжества въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ опубликовывались списки наградъ нѣмецкимъ дѣятелямъ по подавленію „бунта“, а также солдатамъ, крестьянамъ, мызнымъ служащимъ и т. п. лицамъ, проявившимъ усердіе по искорененію желанія перемѣнить вѣру, и эти публикаціи широко распространялись въ народѣ.

Многіе недоумѣваютъ, почему императоръ Николай I, иногда склоняясь на сторону графа Строгонова, стоявшаго совершенно одиноко на посту защитника православія, чаще всего удовлетворялъ представленія шефа жандармовъ, гр. Бенкендорфа, и стоявшей за его спиной нѣмецкой партіи.

Объясненіе этому можно найти въ увлеченіи Николая I идеей подавленія революцій, въ то время назрѣвавшихъ въ Австріи, Германіи, Италіи, особенно-же во Франціи. Захватившимъ всю Европу волненіемъ умовъ пользовались весьма умѣло революціонные элементы.

Весьма вѣроятно, что гр. Бенкендорфъ жалостливое отноше-

*) „Остзейскій вопросъ и православіе“ Е. М. Крыжановскаго, стр. 34.

ное православнаго духовенства къ нуждамъ голодающихъ и вообще терпѣвшимъ непосильный гнетъ суроваго крѣпостничества могъ изобразить, какъ намѣренную пропаганду вредныхъ съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія идей. Нѣкоторый, довольно таки явственный отголосокъ существованія такого именно взгляда у Государя можно усматривать въ слѣдующей приводимой г. Крыжановскимъ *) резолюціи по поводу обращенія наслѣдникомъ цесаревичемъ, Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ II) особеннаго вниманія рижскаго генералъ-губернатора на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединившихся къ православію. Николай I начерталъ слѣдующую резолюцію. „Глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи, а съ неповинующимися моей волѣ поступать, кто-бы ни былъ, какъ съ бунтовщиками. Аминь".

Въ другой резолюціи онъ былъ уже болѣе снисходителенъ по отношенію къ православію.

На собраніи прибалтійскихъ дворянскихъ ландтаговъ въ началѣ 1843 г дворянство постановило поставить на видъ пасторамъ, что затруднять и стѣснять сектантство — значило-бы „усилить стремленіе народа къ православію", — что „піэтизмъ даетъ единственное средство противъ влеченія народа къ иной вѣрѣ". „Нельзя не замѣтить, — говоритъ гр. Уваровъ (министръ народн. просв.) во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету, — что если одинъ піэтизмъ удерживаетъ жителей отъ православія, то весьма несправедливо относить это влеченіе на счетъ прозелитизма русскаго духовенства, на которое было обращено много недобросовѣстныхъ жалобъ и упорной клеветы **). Императоръ начерталъ на этомъ докладѣ свою знаменитую резолюцію: ***) „Въ дѣла иностранныхъ исповѣданій намъ мудрено вмѣшиваться; такъ и въ семъ случаѣ мы могли только указать на то, что считаемъ полезнымъ для блага евангелическаго исповѣданія; но когда изъ непонятныхъ видовъ сами они сему противоборствуютъ, то остается предоставить волѣ Божіей дальнѣйшій ходъ сего дѣла. Кто знаетъ, можетъ быть неисповѣдимый промыселъ направляетъ невидимой рукой сію церковь къ разрушенію, и тогда никакая сила не остановитъ стремленія народа къ православію. Должно только все такъ подгото-

*) См стр 36—37.

**) докладъ отъ 21 апрѣля 1843 г. ib стр. 32.

***) ib., 33 стр.

вить къ тому, чтобы церковь наша была готова принять новыхъ чадъ. Для того уже всѣ духовныя книги и служебники переводятся на мѣстные языки .

Слова Государя были какъ-бы пророческими. Не болѣе какъ черезъ три съ половиною года среди остзейскихъ туземцевъ обнаружился новый, болѣе сильный и болѣе широкій по размѣрамъ порывъ къ православію. Кромѣ внѣшнихъ давленій со стороны нѣмецкой, или командуемой нѣмцами администраціи (эти репрессіи производили обратное дѣйствіе создавая вокругъ новообращенныхъ, истязаемыхъ, а иногда и звѣрски убиваемыхъ) ореолъ мученичества за правую царскую вѣру) — благодѣтельное вліяніе оказывала также предусмотрительность самого Государя и назначеннаго въ январѣ 1842 г. на мѣсто пр. Иринарха еп. Филарета (Гумилевскаго). Государь еще въ 1840 г. ввелъ въ Псковской духовной семинаріи преподаваніе эстонскаго и латышскаго языковъ. Въ 1842 г., по его-же приказу, на эстскій и латышскій языки были переведены молитвословъ, краткій катехизисъ и чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста Преосв. Филарету, какъ онъ писалъ Иннокентію [*]), „не приходилось почти выпускать пера изъ рукъ, чтобы его остріемъ развязывать узлы и узелки неправды, съ изумительною быстротою и неутомимостью связывавшіеся единодушными дейчерами". Въ 1846 г. пр. Филаретъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ г. Ригѣ эсто-латышскаго духовнаго училища, а затѣмъ и семинаріи

Въ маѣ 1842 г. были Высочайше утверждены 77 пунктовъ къ крестьянскому положенію 1819 г., заключавшихъ въ себѣ многія улучшенія въ положеніи крестьянъ [**]).

Развившееся въ это время гернгутерство, а также баптизмъ (протестантскія секты) вызвали рѣзкія выходки со стороны пасторовъ. Выведенные изъ терпѣнія нападками одного изъ пасторовъ, гернгутеры заявили ему. „Мы всѣ перейдемъ въ православіе, если вы не перестаньте ругаться!" —„Что-жъ, идите — отвѣтилъ пасторъ: — я тоже перекрещусь и, навѣрное, новое начальство оставитъ меня тутъ-же надъ вами священникомъ!.." [***]).

Первый переходъ общины гернгутеровъ въ православіе проис-

---

*) Въ 1842 г. одинъ изъ присоединившихся къ православію латышей былъ найденъ въ лѣсу съ раздавленною между двумя бревнами головою (ib. 35 стр.).

**) „Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. Россіи", 1865 г. ч. II.

[**]) Къ сожалѣнію, они такъ и остались для крестьянъ тайной. Н. Лейманъ „Судьбы прав. въ Лифл."—„Р. Е. В.", № 7 за 1909 г.

***) Соч. Ю. Ѳ. Сам., VIII, 254 стр.

зошелъ въ 1845 г. въ г. Ригѣ. Главаремъ этой общины былъ крестьянинъ Давидъ Баллодъ, сначала волостной старшина, потомъ знаменитый гернгутерскій проповѣдникъ и, наконецъ, православный священникъ Лаудонской Іоанно-Предтеченской церкви.

Разсказъ о его обращеніи въ православіе, записанный И. Страумитомъ съ его словъ (ib., 255—262 стр.), читается съ большимъ интересомъ, и мы отсылаемъ желающихъ къ первоисточнику.

Возьму только заключительныя строки. „Гернгутерскій молитвенный домъ, въ которомъ проповѣдывалъ Баллодъ, помѣщался вблизи православной Покровской церкви, на Петербургскомъ форштадтѣ. Главнымъ врагомъ Баллода былъ пасторъ Трей, редакторъ-издатель лютеранскаго латышскаго журнала „Другъ латышей“ („Latweeschu Draugs“) Послѣ одного самого бурнаго объясненія съ Треемъ (богословскій диспутъ) Д. Баллодъ отправился къ пр. Финарету и разсказалъ ему, хотя и ломанымъ русскимъ діалектомъ, все, какъ свое личное, такъ и общее дѣло и выразилъ за себя и за своихъ братьевъ твердое желаніе присоединиться къ православію, на что, разумѣется, получилъ благословеніе незабвеннаго нашего архипастыря. Такимъ образомъ Давидъ Баллодъ присоединился къ православной церкви. Присоединился! Давидъ Баллодъ присоединился!!..

Вѣсть объ этомъ разнеслась по Лифляндіи и Эстляндіи съ быстротою молніи. Она проникла въ трущобы, въ лѣса, въ болота, повидимому, совершенно разобщенныя съ міромъ, и заглянула въ такія жилья, гдѣ не проникалъ и солнечный свѣтъ.

Дѣйствіе ея было потрясающее. Всѣ остальныя заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи, или, какъ говорили латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. При этомъ замѣчательно, что никому, ни на минуту, не пришло въ голову взглянуть на это происшествіе, какъ на явленіе случайное и единичное, то есть, какъ на дѣло, относящееся до одного Баллода; но всѣ, не сговариваясь, почуяли въ немъ разомъ начало общаго движенія и какъ-бы переломъ въ ихъ собственной судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что латыши давно уже чувствовали, что они непремѣнно присоединятся, во что бы то ни стало; но никакъ не ожидали, чтобы это могло совершиться такъ скоро, именно въ этотъ моментъ и—это главное—такъ безпрепятственно. Бевергсгофское побоище было еще у всѣхъ свѣже въ памяти. И впослѣдствіи присоединялись, а все какъ будто не довѣряли себѣ, дѣйствительно-ли присоединились, не во снѣ-ли это? Очнулись лишь

тогда, когда начали сажать въ тюрьмы и пороть вездѣ, въ городахъ и на мызахъ. Кто хоть разъ бывалъ наказанъ, тотъ уже дѣлался въ собственныхъ своихъ глазахъ рѣшительно православнымъ.

Удивительное было настроеніе массы!

Ее нисколько не удивляли, даже не раздражали эти наказанія, преслѣдованія и гоненія. Все это казалось необходимымъ Наказанные крѣпли въ православіи, а лютеране, смотря на это, какою-то невидимою силою побуждались присоединяться. Наказаній не глушались, а, напротивъ, ими гордились, не только наказанные, но и семейства ихъ ..

На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали всѣ одно и то-же, отъ корчмарей, отъ проѣзжающихъ, отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ, что и всѣмъ теперь можно, и все таки нарочно сами ѣздили въ Ригу узнать отъ самаго Д. Баллода.

Да! дѣйствительно присоединился, и крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ, какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а сперва кладетъ на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ, и лампадка горитъ. Многіе ходили съ Давидомъ Баллодомъ въ Алексѣевскую церковь и, по возвращеніи оттуда, присоединялись".

Не малое значеніе имѣла и смѣна генералъ-губернатора. На мѣсто гр. Палена, котораго отказалась поддерживать балтійская партія (онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ признать, что одной изъ причинъ обращеній были тяжелыя условія жизни крестьянства, а это, съ точки зрѣнія балтизма—непростительная ересь)—былъ въ 1845 г. (въ маѣ) назначенъ генералъ-губернаторомъ генералъ Евг. Алекс. Головинъ *).

Еще передъ назначеніемъ Е. А. Головина въ Ригу, вопреки представленію бар. Палена о неразрѣшеніи перехода латышей въ православіе и о недозволеніи совершать православное богослуженіе по-латышски, послѣдовало 12 марта 1845 г. Высочайшее соизволеніе на то и другое. Въ Ригу съ цѣлями присоединенія потянулись, чуть просохли дороги, цѣлыя толпы изъ юговосточной части Лифляндіи, гдѣ крестьянамъ особенно плохо приходилось отъ притѣсненій помѣщиковъ и пасторовъ.

*) При немъ служилъ въ г. Ригѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, впервые въ „Письмахъ изъ Риги" смѣло обсуждавшій отношенія прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи. Хотя онѣ были только въ рукописи, но онъ былъ преданъ суду „за разглашеніе служебныхъ тайнъ" и, послѣ личнаго объясненія съ Имп. Николаемъ I, былъ подвергнутъ 10-дневному аресту въ крѣпости и переведенъ на службу въ Симбирскъ.

Движеніе это носило уже чисто-религіозный характеръ.

„Мирно, тихо, спокойно, съ величайшимъ благоговѣніемъ — пишетъ одинъ изъ прозелитовъ *),—никого не трогая ни дома, ни по дорогѣ, никого не задѣвая ни словомъ, ни дѣломъ, ни помѣщиковъ, ни пасторовъ, густыми толпами потянулись эсты и латыши со всѣхъ концовъ въ Ригу, принимать новую вѣру, вѣру православную“ Предъ присоединеніемъ, при полицейскомъ чиновникѣ, у крестьянъ отбирались показанія, въ которыхъ они признавали свои желанія искренними и давали обѣщаніе по прежнему служить и работать на помѣщика.

Кромѣ того, предписано было священникамъ, вызываемымъ въ мызу для совершенія требъ у крестьянъ, не совершать таковыхъ, если при совершеніи требъ не окажется вызваннаго изъ г. Риги благонадежнаго чиновника.

„А присоединенныхъ — говоритъ гр. Толстой, чиновникъ генералъ-губернатора **)—было уже 14,000 душъ. Сколько было умирающихъ, требовавшихъ утѣшенія религіи! А священникъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свой долгъ, долженъ былъ посылать въ Ригу за чиновникомъ“.

Черезъ мѣсяцъ послѣднее условіе было отмѣнено.

Но взамѣнъ этого было придумано нѣмцами другое. По ихъ ходатайству, возбужденному въ 1845 г., 6 декабря послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы для зрѣлаго обдумыванья своихъ намѣреній крестьянами отъ времени отобранія показаній, или изъявленія желанія присоединиться до миропомазанія наблюдаемъ былъ шестимѣсячный срокъ. За это время на новоприсоединявшагося производилось и нравственное и матеріальное давленіе со стороны всѣхъ тѣхъ ненавистниковъ православія, кто могъ это давленіе оказать. Гр. Толстой ***) по этому поводу замѣчаетъ: „Нѣмцы достигли своей цѣли. шестимѣсячный срокъ парализовалъ присоединеніе“.

Затѣмъ, благодаря вмѣшательству наслѣдника-цесаревича, положеніе православія нѣсколько улучшилось.

Да и новый генералъ-губернаторъ въ начальный періодъ своей службы кой-что дѣлалъ для облегченія положенія православныхъ.

Для характеристики его взглядовъ на переходъ крестьянъ въ православіе, приведу въ сокращенномъ видѣ его всеподдан-

---

*) П. Страумитъ (псевд. свящ. Лійва, убитаго въ 1905 г.)

**) „Русскій Архивъ“ 1881 г., Ш. 100—101 стр.

***) Ib., 98 стр.

нѣйшій отчетъ по управленію краемъ *). „Въ движеніи крестьянъ лифляндскихъ и тѣмъ болѣе къ возбужденію ихъ перемѣнить вѣру въ мое время ни власть свѣтская, ниже православное духовное начальство, сколько то мнѣ извѣстно, по самымъ тщательнымъ розысканіямъ, нимало не содѣйствовало; напротивъ того, къ отклоненію ихъ отъ сего сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ законъ допускаетъ, и употреблены всѣ средства, кромѣ рѣшительнаго запрещенія... Возникшее такимъ образомъ стремленіе латышей и и эстовъ къ перемѣнѣ вѣры представляетъ въ исторіи Балтійскаго края замѣчательное событіе. Здѣсь, съ одной стороны, дворянство старается удержать за собою преобладаніе надъ гуземными племенами, съ которыми оно, по отмѣнѣ крѣпостного права, нравственно соединено одною только религіею, съ другой стороны является закоренѣлая вѣками ненависть послѣднихъ къ своимъ господамъ, потомкамъ суровыхъ завоевателей края, и усиліе разорвать эту связь въ надеждѣ освободиться чрезъ то отъ чужеземнаго владычества, которое даже послѣ дарованія крестьянамъ личной свободы не устранило насильственнаго своего начала... А такъ какъ все управленіе земской полиціи находится въ рукахъ того-же дворянства, имѣющаго въ виду одинъ только выгоды своего сословія, то крестьянамъ прегражденъ всякій путь къ жалобамъ на претерпѣваемыя ими отъ землевладѣльцевъ угнетенія и несправедливости Въ такомъ стѣсненномъ положеніи латыши и эсты возымѣли надежду, что, принявъ вѣру *русскаго царя*, они откроютъ себѣ дорогу къ облегченію своей участи и въ русскихъ священникахъ найдутъ защиту, которой не находили въ нѣмецкихъ пасторахъ, которые по своимъ отношеніямъ къ нимъ (крестьянамъ) были тѣ-же помѣщики. Вотъ истинная причина, возбудившая въ природныхъ жителяхъ Лифляндіи такое сильное и всеобщее стремленіе перемѣнить вѣру, — стремленіе, котораго никакія чуждыя подстрекательства не были-бы въ состояніи произвести.. Для прибалтійскаго дворянства религія служитъ только средствомъ къ удержанію латышей и эстовъ въ чуждомъ имъ элементѣ; ибо перемѣна религіи нисколько не измѣнила-бы ни отношеній крестьянъ къ господамъ ихъ, вотчинникамъ, ни мѣстнаго образа управленія краемъ. Дворянство Балтійскаго нашего края—германскаго происхожденія—всемѣрно старается сохранить свою національность. Оно этого не скрываетъ, да и причины нѣтъ скрывать Это не препятствовало членамъ онаго занимать высшія въ государствѣ должности и, по степени образованія

*) Г. А. Пассекъ „Изъ исторіи пр. въ Приб. Краѣ“, 45—49 стр.

своего, служить на военномъ и гражданскомъ поприщѣ сравнительно въ гораздо большемъ числѣ, а весьма часто съ большимъ отличіемъ, нежели русское дворянство. Но, не довольствуясь сохраненіемъ національности въ своемъ сословіи, остзейское дворянство хочетъ, чтобы и весь Балтійскій край сохранилъ нѣмецкій характеръ, хотя природные жители ничего общаго съ германскимъ происхожденіемъ не имѣютъ, и все на тотъ конецъ, чтобы не утратить до сихъ поръ еще продолжающагося, почти безотчетно, господства своего въ этомъ краѣ, господства, которое лифляндское дворянство въ послѣднее время старается распространить даже на религіозное чувство коренныхъ уроженцевъ края, въ которыхъ оно привыкло видѣть рабовъ своихъ... Эта вѣковая привычка располагать туземцами, какъ своею собственностью, служитъ причиною того, что остзейскіе помѣщики смотрятъ на переходъ крестьянъ своихъ въ русскую вѣру вопреки ихъ волѣ, какъ на возмущеніе противъ ихъ власти... Итакъ, дабы Балтійскій край оставался подъ вліяніемъ господствующей въ ономъ нѣмецкой національности, тамошнему дворянству остается нынѣ одно средство: не допустить, чтобы крестьяне перемѣнили вѣру и соединились въ религіозно-русскомъ элементѣ съ русскимъ народомъ, расторгли единственную связь, соединяющую ихъ съ нѣмецкимъ населеніемъ, которое составляетъ едва одиннадцатую часть всѣхъ жителей онаго. Это, очевидно, обратилось-бы въ ущербъ господствующему тамъ нѣмецкому элементу, сдѣлавъ нѣмцевъ пришельцами между инородными, имъ совершенно чуждыми племенами. Нельзя отрицать, что такой переворотъ измѣнилъ-бы положеніе цѣлаго края... Засимъ, удерживаясь со своими заключеніями, я предоставляю лицамъ, опытнѣйшимъ меня въ наукѣ государственнаго управленія, рѣшить, что полезнѣе въ видахъ государственныхъ и политическихъ: предоставить-ли въ Балтійскомъ краѣ свободу природнымъ жителямъ онаго, латышамъ и эстамъ, переходить въ лоно православной церкви на основаніи общихъ постановленій и чрезъ то соединить ихъ съ русскимъ элементомъ, или-же, по причинамъ вышеприведеннымъ, затрудняя переходъ этотъ, удержать въ протестантскомъ исповѣданіи, къ которому они являются, впрочемъ, болѣе, чѣмъ равнодушными, а чрезъ религію и подъ господствомъ чужеземнаго элемента, Россіи постоянно неблагопріятствующаго, если это въ общихъ государственныхъ видахъ, для единства Россійской имперіи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ ничего не представляетъ. Напрасно остзейское дворянство въ допущеніи перемѣнить религію хочетъ видѣть нарушеніе дарованныхъ ему привиллегій и выставить

какъ-бы воздвигнутое противъ лютеранской вѣры гоненіе. Если правительство является здѣсь снисходительнымъ къ которому-нибудь изъ двухъ вѣроисповѣданій, то, по мѣрамъ, о которыхъ упомянуто выше, конечно, скорѣе къ протестантскому, чѣмъ къ православному".

Но въ высшихъ сферахъ, для парализованія представленій русскаго по убѣжденіямъ генералъ-губернатора (впослѣдствіи этотъ русскій, не особенно дальновидный генералъ, попавъ въ нѣмецкую передѣлку, постепенно потерялъ свои русскія черты), злонамѣренно распространялись слухи о готовящейся якобы въ Прибалтійскомъ краѣ Сицилійской вечернѣ для помѣщиковъ и пасторовъ, басни о томъ, что дворяне, ложась спать, прощаются съ жизнью и т. д.

Послѣ небольшой передышки опять начались гоненія на православное, или стремившееся къ православію крестьянство. Отъ 10 ноября 1845 г. преосвященный Филаретъ писалъ оберъ-прокурору: „Много страдаютъ теперь бѣдные крестьяне и терпятъ. Но человѣческому терпѣнію есть конецъ". 27 ноября онъ писалъ такъ. „Скоро въ тюрьмахъ будетъ тѣсно. Сами слѣдователи говорятъ, что дѣла, по которымъ сажаютъ въ тюрьмы,— пусты; и, однако, тѣмъ только заняты, что хватаютъ простодушныхъ, какъ дичь. Едвали во многомъ лучше было во времена гоненій сильнаго язычества, чѣмъ православію во власти нѣмцевъ. Суди, Господи, по правдѣ Твоей".—„Во всемъ этомъ (преслѣдованіи)—писалъ онъ отъ 14 декабря—надобно удивляться только одному — терпѣнію невинныхъ страдальцевъ. Истинно, самъ Господъ подкрѣпляетъ ихъ силы, терзаемыя изувѣрствомъ и своекорыстною ненавистью. Надолго-ли станетъ ихъ терпѣнія— Богъ знаетъ. Доселѣ они покойно идутъ, какъ овцы на бойню, на судъ нѣмецкій. Будетъ-ли конецъ кровопролитію". 15 декабря. „Нѣтъ мѣръ, за которыя не бросались-бы, чтобы остановить, или прекратить дѣло православія".

Уступая постояннымъ докукамъ Остзейскаго дворянства, правительство въ концѣ 1845 г. обнародовало на туземныхъ языкахъ слѣдующіе семь пунтовъ изъ Высочайше утвержденной 26 апрѣля того-же года инструкціи, данной генералъ-губернатору:

1. Въ послѣднее время крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Балтійскихъ губерній начали изъявлять желаніе къ принятію православія. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное вниманіе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ предупреждены были всякія недоразумѣнія и безпорядки.

2. На семъ основаніи съ осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православнаго духовенства не было допускаемо понудительныхъ средствъ, и, такимъ образомъ, иновѣрцы могли свободно присоединиться къ православію на основаніи установленнаго для сего общаго порядка, съ собственнаго подвига.

3 Съ другой стороны надлежитъ объявить жителямъ и, въ особенности, помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому-либо принятія господствующаго въ Имперіи исповѣданія, изъявившимъ такое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ, а поступали-бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ протестантскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и освобождается отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ въ отношеніи протестантской церкви и духовенства повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи православной церкви и духовенства, сохраняя, однако, во всей строгости, обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ

4 Не принимать въ дѣлѣ присоединенія ходатаевъ, предоставлять каждому говорить и дѣйствовать непремѣнно за себя лично.

5. Какъ присоединеніе къ православію совершенно зависитъ отъ собственнаго желанія каждаго, то за симъ не допускать жалобъ со стороны православнаго духовенства на иновѣрцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться къ православію, но не исполнившихъ сего, а также и на православное духовенство подъ предлогомъ неискренности желанія лица, присоединеннаго къ православію.

6. Имѣть наблюденіе, чтобы въ православныхъ церквахъ, при богослуженіи на языкѣ церковно-славянскомъ, равно какъ и на туземныхъ языкахъ, не было препятствій присутствовать всѣмъ желающимъ безъ различія вѣроисповѣдания.

7. Не допускать принужденій и насилія со стороны иновѣрцевъ для удержанія кого-либо изъ тамошнихъ жителей въ иновѣрчествѣ, если онъ желаетъ перейти въ православную церковь; принявшихъ православіе ограждать отъ всякаго преслѣдованія и притѣсненія, въ особенности-же стараться предупреждать раздоры, могущіе возникнуть иногда въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ нѣдрахъ семействъ, коихъ члены принадлежатъ къ двумъ различнымъ исповѣданіямъ, и наконецъ, строго наблюдать, чтобы никто изъ принявшихъ православіе не лишался отъ правъ

преимуществъ, какими по состоянію своему пользовался, находясь въ иновѣрчествѣ, ибо перемѣна вѣроисповѣданія не перемѣняетъ отношеній гражданскихъ.

Живые еще свидѣтели этого періода Прибалтійской исторіи свидѣтельствуютъ о тысячахъ иныхъ препятствій, которыя воздвигались передъ крестьянами по пути ихъ движенія въ православіе (выселеніе изъ усадебъ, сѣченіе по пустѣйшимъ поводамъ, крайнее стѣсненіе отлучекъ съ мѣста жительства, продолжительныя увѣщанія пасторовъ передъ добытой съ огромнымъ трудомъ отлучкой и т. д.) Не смотря на все это, въ теченіе послѣдней четверти 1845 и трехъ четвертей 1846 г. обратилось къ православію около 100,000 крестьянъ.

Генералъ губернаторъ Головинъ, поддерживаемый министромъ внутреннихъ дѣлъ, успѣлъ все таки исхлопотать нѣкоторыя права для новоприсоединявшихся къ православію. Много помогалъ въ этомъ отношеніи учрежденный въ 1845 особый комитетъ изъ генералъ-губернатора, преосв Филарета и тов. мин. внутр. дѣлъ Сенявина и особенно личныя разъясненія пр. Филарета во время исхлопотанной для него гр. Орловымъ въ январѣ 1846 г. аудіенціи у Государя.

И вотъ въ 1846 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ Высочайшихъ повелѣній, направленныхъ къ благоустройству православной церкви въ краѣ, а именно разрѣшено было а) крестьянамъ являться къ священникамъ безъ билетовъ отъ мызныхъ управленій; б) священникамъ ѣздить по приходу безъ сопровожденія чиновниковъ; в) по просьбѣ отцовъ, принявшихъ православіе, присоединять несовершеннолѣтнихъ дѣтей ихъ и прежде шестимѣсячнаго срока; г) до устройства постоянныхъ церквей отводить временныя помѣщенія въ городахъ въ теченіе двухъ недѣль, а въ деревняхъ—въ теченіе одного мѣсяца, гдѣ-бы только таковыя ни потребовались; д) окончить избраніе мѣстъ для построенія православныхъ церквей; е) постройку церквей возложить на Лифляндскую строительную комиссію; ж) потребныя суммы отпустить изъ вѣдомства св. Синода; з) новыхъ церквей построить 26, а впредь открытіе и построеніе церквей и домовъ предоставить усмотрѣнію св. Синода; и) отводить кладбища всюду, гдѣ только они потребовались-бы, а до отвода хоронить православныхъ на лютеранскихъ кладбищахъ безпрепятственно; і) отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства: 1,955 р. на содержаніе 23 церквей, 720 р. на наемъ помѣщеній для 5 церквей и 1,200 р. на разъѣзды 8 благочиннымъ Рижскаго викаріатства, а жалованья. священникамъ по 400 р. и причетникамъ по 120 р. въ годъ, кромѣ

квартирныхъ денегъ и другихъ пособій; вообще-же на каждый городской причтъ по 1,130 р. и сельскій по 1,060 р. ежегодно; кромѣ того, на ремонтъ, отопленіе и др. надобности разрѣшено св. Синодомъ отпускать особыя суммы изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; к) помѣщать временныя церкви въ зданіяхъ военнаго постоя безвозмездно; л) въ казенныхъ имѣніяхъ отвести по одной десятинѣ для православныхъ кладбищъ; м) въ виду неподтвержденія слуховъ объ агитаціи — освободить содержавшихся по этимъ дѣламъ въ тюрьмахъ на поруки, или отдать подъ надзоръ полиціи, по усмотрѣнію генералъ-губернатора; н) позаботиться о дальнѣйшемъ переводѣ богослужебныхъ книгъ на латышскій и эстскій языки и о томъ, чтобы священники латышскихъ и эстскихъ приходовъ озаботились открытіемъ у себя приходскихъ школъ для обученія въ нихъ дѣтей новоприсоединившихся Закону Божію и пр.

Открытіе въ 1847 г. въ г. Ригѣ духовной семинаріи и принятіе въ нее на казенный счетъ на ряду съ дѣтьми духовенства и дѣтей латышей и эстовъ, по свидѣтельству о. Лейсмана, произвели на туземцевъ сильное впечатлѣніе. Подобное заведеніе казалось имъ чѣмъ-то невиданнымъ и неслыханнымъ.

Въ 1846 г. заволновалась и сѣверовосточная Лифляндія — Перновскій и Феллинскій уѣзды, и островъ Эзель. Для записи въ православіе являлись сотнями, а не тысячами, какъ раньше.

Лютеранство мобилизовало всѣ свои силы для борьбы съ православіемъ. Прибалтійскіе нѣмцы (и во главѣ ихъ помѣщики-бароны и пасторы) усердствовали во всю. „Тѣхъ и другихъ— пишетъ прот. В. И. Преображенскій *) — соединяли общіе интересы; тѣ и другіе сходились въ общей враждѣ къ православію. Пасторъ черезъ присоединеніе къ православію латышей и эстовъ терялъ часть своихъ доходовъ, часть овецъ, доставлявшихъ ему молоко и шерсть,—тутъ загрогивались его вещественные интересы. Бароны не теряли въ присоединенныхъ прежнихъ работниковъ, но видѣли въ движеніи среди туземцевъ къ православію *стремленіе быть русскими, образовать среди нѣмецкой Лифляндіи и Эстляндіи русское народонаселеніе*. Всякаго рода насилія и жестокости были приведены въ дѣйствіе, чтобы отвратить латышей и эстовъ отъ принятія православія“.

Если въ 1841 г., по сознанію самихъ нѣмцевъ **), имъ „розгами и палками удалось удержать латышей въ лютеранствѣ“, то

*) „Открытіе рижскаго викаріатства и викарные епископы“. Ист.-стат. опис. церквей и прих. Рига 1894 г. В. II, 71 стр.

**) Соч. Ю. Ѳ. Самарина, VIII т., стр. 247.

теперь новое движеніе было остановлено тѣми-же мѣрами съ добавленіемъ къ нимъ еще экономическаго гнета.

Прошелъ годъ—другой, и массовое обращеніе прекратилось. Въ 1846 г. изъ лютеранства въ православіе перешло 32,803 души, въ 1847 г.—54,582; въ 1848 г. присоединившихся было только 8,757 чел., въ 1849 г. (времена Суворовского генералъ-губернаторства) еще меньше — 2,355 чел., а въ послѣдующіе за этими годы (до 1884 г.) число присоединявшихся въ краѣ достигало только нѣсколькихъ сотенъ *).

Уменьшились дѣла съ новоприсоединяемыми—открылась для пр. Филарета возможность заняться внутреннимъ благоустроеніемъ паствы. Рижскій архипастырь составилъ проектъ устройства православныхъ школъ—приходскихъ, по одной при каждой церкви и волостныхъ, вспомогательныхъ—по деревнямъ. Проектъ этотъ былъ утвержденъ и изданы правила для православныхъ народныхъ школъ Лифляндіи. Выпускалъ онъ также и свои ученые труды, направленные противъ раскола, изъ котораго при немъ было не мало переходовъ въ православіе, а также полемическія сочиненія (напр., „Сличеніе православія съ лютеранствомъ“, черезъ три дня по выходѣ переведенное на нѣмецкій языкъ). По его ходатайству, повышено содержаніе духовенству и привлечены изъ Московской академіи священники съ высшимъ богословскимъ образованіемъ (Назаревскій, Варницкій, Карелинъ, Поспѣловъ, Бѣликовъ, Троицкій и Сергіевскій).

Но молодые сотрудники епископа оказались мало полезными. Все многотрудное дѣло насажденія православія въ Лифляндіи онъ несъ одинъ. О побужденіяхъ къ этому единоличному труду онъ такъ писалъ графу Протасову: „Со стороны духовенства дѣло о православіи дѣлается у одного епископа: а) одни не могутъ его дѣлать; другіе хотятъ только вредить ему, для нѣмецкаго хлѣба; б) два или три такіе, которыхъ и можно было-бы призвать къ участію, но при твердой увѣренности, что дѣло это доведетъ ихъ до пагубы, состраданіе заставляетъ назначать имъ другія нужныя дѣла. Послѣ того, что можетъ прибавить отъ себя къ успѣху православія одинъ епископъ? Ни послать къ кому-либо, ни сдѣлать то или другое, кромѣ того-же епископа, который и пишетъ предписанія, и даетъ себѣ совѣты, и ѣздитъ то къ генералъ-губернатору, то къ губернатору, то къ бургомистру, то къ какому-нибудь упорному противнику православія, съ которымъ надобно говорить, какъ съ другомъ православія“.

*) Извлеч. изъ отчетовъ оберъ-прок. св. Синода.

Много огорченія причинило ему непринятіе составленныхъ имъ и предложенныхъ ген.-губ. Головинымъ лютеранской консисторіи правилъ о смѣшанныхъ бракахъ.

Тяжесть заботъ пр. Филарета объ огражденіи православныхъ отъ жестокаго преслѣдованія увеличивалась еще тѣмъ, что онъ мало находилъ себѣ поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны гражданской власти. Головинъ, показавшій себя въ началѣ русскимъ государственнымъ мужемъ, не оправдалъ ожиданій русскихъ людей. „Генералъ-губернаторъ—писалъ пр. Филаретъ графу Протасову*)—добрый христіанинъ, но что ни одна жалоба крестьянина ординнгсрихтеру или не дойдетъ до генералъ-губернатора, или дойдетъ въ искаженномъ видѣ, и крестьяне будутъ награждаемы только новымъ гоненіемъ, въ этомъ можетъ сомнѣваться только тотъ, кто, имѣя здоровые глаза, говоритъ, что ничего не видитъ". Единственнымъ изъ близкихъ къ генералъ-губернатору человѣкомъ, преданнымъ церкви и русскому дѣлу, былъ графъ Д. Н. Толстой. Ю. Ѳ. Самаринъ пробылъ въ Ригѣ короткое время. О немъ въ письмахъ пр. Филаретъ отзывался, какъ объ „умномъ, достойномъ и рѣдкомъ человѣкѣ, хорошо изучившемъ край своею русскою душою и заслуживающимъ душевной любви". Съ такою-же признательностью относился пр. Филаретъ и къ жившему два мѣсяца въ г. Ригѣ тов. мин. вн. дѣлъ И. Г. Синявину („добрая, русская, умная душа!").

Противодѣйствіе православному духовенству въ дѣлѣ церкви принимало все большіе и большіе размѣры. Жалобы епископа не принимались генералъ-губернаторомъ во вниманіе и „довели Е. А. Головина до того, что онъ не могъ равнодушно читать ихъ, а, наконецъ, и слышать о преосвященномъ" **). По дѣлу о пасторѣ Треѣ, нагло поносившемъ православіе въ издаваемомъ имъ на латышскомъ языкѣ журналѣ „Другъ латышей" (см. „Записки И. Страумита". Соч. Ю. Ѳ. Самарина, т. VIII, стр. 261), пр. Филаретъ писалъ гр. Протасову: ***) „Такимъ образомъ, мнѣ остается предать все волѣ Господа. Если Онъ будетъ милостивъ къ православію, и *назначитъ другое начальство для Риги,* то безъ шума и смятеній православіе будетъ дѣлать успѣхи. Мнѣ одному не преодолѣть столько людей сильныхъ. И что я значу передъ ними? Впрочемъ, быть можетъ, Господь умилосердится и пошлетъ помощь устроить разстроенное дѣло. Только для сего необходимо спокойствіе. Противъ здѣшняго

*) „Прав Обозр., 1886 г., іюль, стр. 453.
**) В. И. Преображенскій: „Историко-статист. оп.", стр. 92.
***) „Филаретъ арх. Черниг.", стр. 88.

упорства, часто наглаго, малоуспѣшна открытая борьба". Когда-же ген.-губ. Головинъ на одномъ изъ засѣданій прямо высказался противъ присоединеній, утверждая, что присоединенія потрясутъ вѣковой порядокъ, преосвященный тутъ-же, въ глаза, назвалъ его „нѣмцемъ".

Но, вооружаясь вполнѣ основательно противъ Е. А. Головина, пр. Филаретъ не предвидѣлъ, что онъ представлялъ изъ себя зло, гораздо менѣе значительное, по степени вреда для православія и вообще русскаго дѣла, чѣмъ назначенный, вмѣсто Головина, генералъ-губернаторомъ въ 1848 г., князь А. А. Суворовъ, внукъ знаменитаго фельдмаршала.

О „суворовскомъ режимѣ" по отношенію къ православію и о дальнѣйшихъ временахъ—въ слѣдующемъ выпускѣ.

Готовятся къ печати и на-дняхъ выйдутъ:

„Православіе“, ч. II, „Русскіе въ Прибалтійскомъ краѣ“, „Посѣщеніе Прибалтійскаго края Высочайшими Особами“, „Низшая и средняя школа“, „Юрьевскій университетъ и Рижскій политехникумъ“ и „Судебная реформа“.

Складъ изданій

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. А. Павлова.

Рига, Песочная ул., 32. Телефонъ 4113.

